

С.В. Лукьяненко

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Она спускалась по горному склону. Легче ветра, быстрее стрелы... Казалось, что девушка летит, так стремительны были её движения по едва заметной тропинке.

Он видел её всю: густой, тёмный мёд волос, разлитый по плечам, хрупкость тоненькой фигурки под красно-сине-белой блузкой, раздувающейся невиданным флагом, загорелые, исцарапанные ноги, уверенно находящие опору... И серый металл в пистолетной кобуре.

Он ещё раз порадовался тому, как удачно выбрал место для засады: в тени густых, старых деревьев, на противоположном склоне, невидимый для неё, спокойный, уверенный, ждущий...

Один раз девушка остановилась, держась за бугристый, высунувшийся из песка корень. Оглянулась, вбирая в себя весь этот жаркий день, колышущийся солнечный диск, лес, горы, медленные речушки и крошечные озёра до самого горизонта... Потом она взяла поудобнее ждущий металл и стала спускаться дальше.

У него затекла рука. Тощий суетливый муравей недоумённо посмотрел на него с верхушки травинки. Дурак... Девушка на горном склоне легла в полукруг прицела, палец осторожно нащупал курок. Стоит лишь нажать... Игра длилась три дня, и сейчас он получит заслуженную победу...

Ему вдруг представилось то, что сейчас случится. Огненный факел, летящий вниз, тяжело натыкающийся на камни... Мёд волос, и разноцветные одежды, и дерзкий уверенный взгляд – и всё это исчезает, превращается в крик, гаснущий в небесной голубизне, в облачко дыма, запутавшееся в ветвях деревьев...

Он вскочил, отбрасывая то, ждущее, что дремало в его руках. Он закричал, долго, изо всех сил:

– Ка-а-а-атя!

Девушка на склоне прыгнула за камни. И как не сорвалась... Мелькнули в воздухе сбитые подошвы кроссовок, она прокатилась по земле, замерла за камнями...

– Стой!!!

Камень дёрнулся, раскололся на куски, разлетелся неторопливым, увесистым градом. А из центра этого града ударила молния – точный, неотвратимый выстрел. Он ещё не успел осознать случившегося, а каждая клеточка тела уже взвыла, выплеснула по нервам переполнявшую её боль.

«Я горю...»

Он прокатился по траве, словно пытаясь сбить с себя липкую, пылающую, жадно ползущую внутрь смерть.

«Проиграл».

Рот сам раскрылся в крике. И мгновенно, отзываясь на этот крик, вспыхнули, вывернулись наизнанку легкие.

«Боль... Выключить боль...»

Пока глаза ещё могли видеть, он силился повернуться в сторону девушки. Но это длилось недолго.

«Почему я не убираю боль?»

Огненный факел на порыжевшей траве...

***

Сознание вернулось к вечеру. В небе проклёвывались звёзды, дул прохладный ветер, и после пережитого это было чертовски приятно. Он поднялся, брезгливо морщась, смахнул с тела жирный, вонючий пепел.

Зачем-то посмотрел на давно опустевший склон. И пошёл к дому по колкой сухой траве.

...Она пила чай на веранде. Грубый дощатый стол искрился от десятка хрустальных вазочек с вареньем. Давняя Катина слабость. Взглянув на него, она лишь покачала головой.

– Иди мойся.

Он долго мылся, прямо в саду, под самодельным душем. Над верандой покачивалась лампа, в бестолковом восторге звенели комары... Несколько раз он выглядывал за дверь. Но Катя всё ещё пила чай. Обмотавшись полотенцем, он

вышел из деревянной кабинки, прошлёпал по дорожке, намереваясь скрыться в доме...

– Дэн!

Он остановился.

– Давай поговорим.

Ну разумеется... Он молча уселся рядом.

– Зачем ты это сделал!

– Что?

Они с любопытством смотрели друг другу в глаза.

– Ты понимаешь сам.

– Абсолютно не понимаю.

– Ты не убрал боль.

Он надеялся, что Катя скажет это по-другому. С раздумьем, например: «Ты не убрал боль...» Или с удивлением: «Ты не убрал боль?» Или, хотя бы, с возмущением: «Ты не убрал боль!» А это было просто сообщение.

– Ты не убрал боль.

– Ну и что? – он спросил с внезапным ожесточением. – Испортил тебе радость победы?

Катя передёрнула плечами:

– Это было мерзко! Такой крик...

Глупый комар подкрался к ней сзади. Осторожно вытянул хоботок, целясь проткнуть нежную кожу... Дёрнулся, отчаянно зазвенел крылышками – мгновенно сработала система регенерации. Хоботок, крохотная пустая голова, такое же пустое брюшко исчезли.

– Это действительно мерзко.

Он проговорил подчёркнуто вслух, а не про себя. Закрыв глаза. Бесплезная привычка, из тех полузабытых детских лет, когда люди ещё не умели видеть сквозь веки...

– Мы с тобой вместе два месяца, Дэн.

Два месяца. Шестьдесят четыре дня, если точнее. «Девушка, мы с вами нигде не встречались?» Любопытный, оценивающий взгляд. «Пока нет!»

– Ты какой-то странный, Дэн.

Угу. Неоригинально. Не ты первая заметила. В этот раз я ещё долго продержался. Шестьдесят четыре дня...

– Помнишь, что ты натворил в Майданеке?

Помню. Сорвался, вышел из роли. Бросился на эсэсовцев с голыми руками. А игра-то называлась «Вооружённое восстание». Все аж ошалели...

– Ну чего ты молчишь! Может быть, ты не любишь Игру!

Интересно, как это можно – не любить Игру. Не любить всю свою жизнь, не любить весь мир... Как это можно...

– Да, не люблю!

Он удивился своим словам. А она – нет.

– Дэн, почему ты не выстрелил в меня?

Он пошевелил пальцами, словно нащупывал чью-то невидимую руку.

– Я представил, как ты... как ты умрёшь. И мне стало страшно.

– Но это же Игра! Ты боишься, что не сработает регенерационная система!

– Да нет, это невозможно... А зачем мы вообще играем?

Она прищурилась, разглядывая его лицо.

– А что ещё делать?

Действительно. Делать вид, что управляешь машинами, которые давно не нуждаются в управлении? Сидеть в лаборатории, пытаясь научить человека видеть не только в инфракрасных, но и в ультрафиолетовых лучах? Или ждать очереди на колонизацию очередной планеты? Там Игра станет реальностью...

– Я не знаю. Но с чего она началась, Игра?

Она пожала плечами. С тех пор, как люди обрели бессмертие, наверное. Игра – это жизнь. Что является основной чертой жизни? Стремление убить. Что является основной чертой Игры? Стремление убить. В инсценировке – на Перл-Харборе, где кипит вода и в который раз тонут корабли, и падают ведомые смертниками бомбардировщики; на Курской дуге, где танки спекаются с землей и кровью в один сплошной чёрный ком; в Хиросиме, где снова и снова вспыхивает пламя атомного взрыва...

Но ведь когда-то в первый раз это не было игрой! Они не могли играть, умирая по-настоящему! Их вело в бой что-то другое! Они бросались на колючую

проводе конлагерей не потому, что это очень интересно! И ведь Дэн почувствовал, почти ощутил это неведомое, непонятное, когда в прекрасной инсценировке «Майданек» смотрел на сытых, откормленных эсэсовцев, избивающих детей... Он бросился вперед не потому, что хотел испортить игру, соригинальничать. Он просто не мог иначе. Он почти понял! А они не хотят или уже не могут понять. Слишком долго длилась Игра.

Дэн посмотрел на неё. И прочёл в глазах то, что совсем не обязательно говорить словами. «Игра – это жизнь. Играя, живи, живи, играя. Это не больно – боль в твоей власти. Это не страшно – ты умирал сотню раз и столько же раз воскресал. Убивай! Это только игра! Это весело! Машины, которые умнее тебя, воскресят брэнное тело, поставят на прежнее место, вложат в руки новое оружие. Играй! Не повезло сейчас – повезёт в следующий раз! Кто хочет сыграть в Чингисхана? Кандидатуру на роль Гитлера, побыстрее! Экипаж «Энолы Гай»? Играем! Майданек, Освенцим, Хатынь, Сонгми? Играем!»

Она встала из-за стола. Волосы цвета густого мёда упали на плечи, белое платье – флаг несостоявшейся капитуляции – обрисовало фигуру.

– Я улетаю утром, Дэн. Вызови машину в семь, будь добр.

Добр. Будь добр... Она пошла в глубь сада, обернулась.

– Я посплю в шезлонге. А ты дурак, Дэн. Игра – это единственное, что придаёт жизни смысл. Она в нашей крови...

Холодный металл, забытый ею на стуле, обжёг руку. Он поймал белое платье в полукруг прицепа. Затаил дыхание. И нажал на спуск.

Факел вспыхнул в ночи, осветил сад, и бревенчатый дом, и посыпанные песком дорожки... Он остался сидеть в кресле, пока земля возле чёрной горстки пепла не зашевелилась. Вынырнуло тупое рыло реанимационного робота. Приполз... Миг – и машина превратилась в полтонны оплавленного железа. Он прошёлся по саду, захохотал:

– Игра? Верно! Будем же играть!

Второй робот прилетел через шесть минут. Спланировал из-за деревьев... Он прицелился, выстрелил, произнёс, как аксиому:

– Ни один робот не причинит вреда человеку. Будем же играть!

На стенах его дома висел богатый арсенал. Он выбрал несколько штукоев поувесистее и повнушительнее. Перекусил, поглядывая на пепел. Третий робот пытался прикрыться защитным полем. Но нейтринный луч пробил поле...

Его убили к вечеру второго дня. Дом штурмовали морские пехотинцы, зелёные береты, самураи династии Тан и бригада СС из дивизии «Мёртвая голова». Они умирали, воскресали, шли в бой снова. А он стрелял, зная, что уже выведен из памяти регенерирующей системы...

Дюжий десантник пнул носком ноги его жалкое, искромсанное ранами тело. Выругался, спросил:

– А как та девушка, из-за которой всё началось?

– Откачали, – ответил кто-то. – Ещё поиграет.

Она стояла совсем рядом. Смотрела на молчаливую толпу, поблёскивающую самым разным оружием. И читала во всех глазах один и тот же вопрос, его вопрос... «Зачем мы играем! Что такое Игра?» Шаг. Ещё шаг. Она склонилась над Дэном, коснулась его лица:

– Ты победил...

1988